

УДК 32.019.51

Применение латиноамериканского опыта формирования региональной политики памяти в российской практике

Медушевский Николай АндреевичКандидат политических наук,
доцент,Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, площадь Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Политика памяти – важный фактор формирования социальных отношений в современном обществе. Воспоминания об исторических образах и событиях могут как объединять, так и разделять общество, а также могут выступать фактором интеграции или дезинтеграции на наднациональном уровне. В данной связи любое развитое или развивающееся государство заинтересовано в структурировании собственного «пространства памяти», которое стало бы отражением определенного политического взгляда на прошлое и будущее общества. Определенным новшеством в вопросе управления исторической памятью, стал комплекс идей и решений, описанный в работе Элизабет Джелин, которая на примере латиноамериканских стран показала, как можно управлять исторической памятью и направить ее на примирение разных обществ, переживших тяжелые времена. В данной статье этот, по –своему уникальный опыт, соотносится с российской практикой по управлению политикой памяти, и в итоге констатируется ряд проблем, возникающих в контексте активного участия в данном процессе государственных институтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Применение латиноамериканского опыта формирования региональной политики памяти в российской практике // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 1А. С. 157-167.

Ключевые слова

Политика памяти, исторические практики, фальсификация истории, полицентризм, региональный подход.

Введение

Данная статья представляет собой попытку анализа исторического вызова формированию национальной и региональной политики памяти в российской практике, который реализуется через призму методологии, апробированной в работах и исследовательских проектах аргентинского социолога Э. Джелин. В данной связи в статье применяются методы исторического и сравнительного анализа, применительно к практикам формирования исторической памяти в разных регионах.

Обращаясь к анализу исторических практик, следует отметить, что историческая память как социальное явление существовала всегда и выступала естественным элементом организации социума, однако политика памяти, как направление организованной политической деятельности, имеющей особую логику и основанную на механизмах манипулирования, является достаточно новым явлением. Во многом это обусловлено изменением роли самого общества в системе политических отношений. Очевидно, что если в обществе доминирует патриархальная или даже подданническая политическая культура [Алмонд, Пауэлл, 2002], то данное общество выступает как ведомое и направляемое. В данной связи отношения между властью и обществом строятся преимущественно по директивному принципу и, как следствие, сложные механизмы манипулирования через спекуляцию историческими фактами оказываются не слишком востребованными. Можно, конечно, усмотреть отдельные элементы политико-исторической спекуляции в кризисные периоды, например, в первые годы Советской власти или после прихода к власти в Германии НСДАП, однако в очень короткий период данные практики вновь сменились директивными установками, продвигаемыми властью. Устойчивая же политика памяти ассоциируется, прежде всего, с культурой политического участия, что обусловлено повышением роли индивидуального мнения, в том числе и в отношении единой трактовки конкретных исторических событий.

Принципиальность значения частного мнения по вопросу формирования консолидированного восприятия истории, неизбежно создает потенциал для манипуляции индивидуальным и общественным мнением в пользу достижения определенного социального (либо группового) консенсуса, прямо или косвенно направленного на поддержку какой либо политической силы, представленной в политическом спектре и вынужденной постоянно бороться за расширение собственного электората.

Во многом, становление и развитие политики памяти как сложной концептуальной системы приходится на вторую половину XX века, и особенно на период 1980-1990-ых гг. из-за развития в Европе и в других регионах демократических институтов и культуры политического участия. Именно в этот период в западноевропейском обществе активно идут дискуссии о статусе Холокоста и об ответственности ФРГ за преступления Третьего Рейха во время Второй мировой войны. В этот же период распадается социалистический блок и страны Восточной и Южной Европы, получив независимость, и изменив политические и идеологические установки, начинают по-новому трактовать свое недавнее историческое прошлое [Mälksoo, 2009].

Этот же процесс затронул и Российскую Федерацию, которая после распада СССР оказалась в состоянии поиска новых «духовных скреп» [Медушевский, 2014] способных объединить разрозненное в экономическом, идеологическом, культурном и этно-религиозном аспектах общество, придав ему определенное символическое единство.

Процесс осознания своей новой идентичности для европейских стран, включая Россию, не прекратился и после 1990-ых годов, что было связано уже не с созданием, а с эволюцией

политических систем и их взаимовлиянием, нашедшем отражение в европейской интеграции, расширении НАТО на Восток, установлении мощных экономических связей и т.д.

Фактически, данный процесс продолжается в Европе до сих пор, т.к., к примеру, меняется баланс сил и интересов внутри ЕС, на данном пространстве активно действуют страны, настаивающие на необходимости компенсации ситуаций исторической несправедливости (например, Польша) [Бовдунов, 2017]. Кроме того, на политической арене вопросы исторической памяти активно обсуждают постсоветские страны, в числе которых Украина [Манчук, 2017], Молдавия, Грузия [Тайны Аласания, www] и Россия [Mälksoo, 2009], в числе которых последняя выступает своеобразным «консервативным антагонистом» различным процессам ситуативной спекуляции в вопросах исторической памяти, которые имеют транснациональную сущность, как например, итоги Второй мировой войны или сталинские репрессии.

Латиноамериканский подход к анализу политики памяти

Несмотря на многообразие национальных практик развития и пересмотра исторической памяти, в международной историографии большинство работ оказывается связано именно с европейским пространством и отчасти затрагивает Соединенные Штаты Америки. Во многом это обусловлено принципом европоцентризма, который сохраняется еще с периода колониализма, но в последние годы подвергается волне нарастающей критики со стороны развивающихся неевропейских государств, которые интенсивно движутся по пути социального и экономического развития, и так же испытывают потребность в переосмыслении своего исторического прошлого вне контекста европейской политики.

Более того, европейские и американские практики исследования политики памяти часто носят манипулятивный характер, который как раз и основан на принципе европоцентризма и неоколониализма, в соответствии с которыми развитие стран «второго» и «третьего» мира в принципе невозможно без оценки данного развития как правильного со стороны западной коалиции. Во многом данный тезис подкрепляется политикой физического принуждения к демократии, реализуемой силами НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и других странах [Два десятилетия..., www]. Дополнительным, а возможно и первостепенным фактором в данной связи выступают «цветные» революции, основанные, во многом, на идеологической и финансовой интервенции США в политическое пространство ряда развивающихся государств [Максимов, 2010].

Не смотря на фактор европоцентризма, следует констатировать, что современная политика полицентрична и даже в условиях интенсивного иностранного экономического и политического воздействия, практически все регионы мира идут по пути автономного развития в вопросах формирования национальной политики памяти, что часто приводит к региональным конфликтам и столкновениям.

Одним из наиболее значимых для нас, в данном контексте, примеров, выступает политика Аргентины и ряда других латиноамериканских государств, основанная на синергетическом едином подходе к развитию политики памяти, которая противопоставляется событиям прошлого, в том числе феномену «Грязная война» (Guerra Sucia) – периоду правления военных диктатур, реализовывавших репрессии против мирного населения по политическим мотивами Чили, Аргентины, Бразилии, Парагвая, Боливии [«Грязная война» в Аргентине, www], что сделало проблему общерегиональной, и во многом соотносимой с репрессивной политикой в СССР и на территории стран социалистического лагеря. Характерно, что в современной

Аргентине, как и в современной России существуют различные точки зрения на авторитарное прошлое, которые часто сталкиваются. Это, прежде всего, связано с тем, что события прошлого продолжают жить в умах людей, которые в них когда-то участвовали или были к ним косвенно причастны.

Здесь интересным представляется комплекс рассуждений о феномене сложного гражданства. Как пишет исследователь Улоа Агирре [Aguirre, 2015], общественное пространство представляет собой коммуникативную общность, которая, тем не менее, содержит конфликтный потенциал и возможности инакомыслия. Таким образом существует неразрывная связь между общественным пространством и гражданством. Пространство детерминирует поведение граждан, однако и сами граждане влияют на изменение и развитие институтов, вне зависимости от типа режима, хотя режим способен интенсифицировать, либо минимизировать данное воздействие [Mouffe, 2003].

Подтверждение данного тезиса мы обнаруживаем и в работах аргентинского социолога Э. Джелин [Jelin, 2017]. Она анализирует пул исследований близкой социальной проблематики в латиноамериканских странах, оценивает историческую ретроспективу исследования, анализирует виды носителей памяти, в числе которых рассматривает памятные даты, места, архивы, обращается к сути понятий, статусу феномена насилия в прошлом и настоящем, изучает мнения современников. Все эти элементы, по ее мнению, способствуют символизации истории и событий прошлого, создавая своеобразные иллюстрации, которые не являются ярлыками, но, тем не менее, символичны и понятны на интуитивном уровне.

В трактовке Джелин, символизм прошлого во многом переплетается с идеями феминизма и материнства, однако это представляется полностью логичным, так как согласно авторской концепции именно движение матерей нанесло основной удар по легитимности Аргентинской военной хунты.

Автор, тем не менее, представляет достаточно широкий взгляд на события регионального прошлого, и во многом, рассматривает их в эволюционном контексте, что позволяет проследить этапы перехода от практик маргинального противостояния режиму хунты к ситуации, когда права человека становятся главным трендом аргентинской политики.

Принципиальной и символичной здесь является восьмая глава работы «Борьба за прошлое: как мы строим социальную память», которая резюмирует исследование. Она названа автором «Память, для чего? На пути к более демократическому будущему». Фактически, в ней автор констатирует, что историческая память, даже хорошо укорененная в мышлении населения, не самоценна. Ее ценность формируется лишь тогда, когда она (память) становится активной, начинает служить обществу, выступая как опыт, как прививка от тех «социальных болезней» с которыми общество сталкивалось ранее.

Применение «латиноамериканского подхода» на постсоветском пространстве

Работы Э. Джелин представляют большой исследовательский интерес как в контексте изучения регионального развития стран Южного рога, так и вне данного контекста, применительно к социально-политическим практикам других регионов, в том числе к постсоветскому пространству.

Постсоветское пространство, в данной связи, представляет особый интерес, так как в отличие от ряда других регионов, например, Европейского союза, оно в последние десятилетия было слабо подвержено проектам развития общей исторической памяти, при том, что

существуют совершенно объективные исторические основания для ее формирования. Более того, после распада СССР практически все страны региона пошли по пути моделирования национальной исторической памяти, что в конечном итоге привело к эскалации межнациональных конфликтов на политическом и социальном уровнях. Применительно к России об этом подробно пишет Ольга Малинова в работе «Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности» [Малинова, 2015]. Она, в том числе, выделяет три этапа политики памяти в России и указывает на то, что после распада СССР в национальной политике памяти доминировали критические аспекты восприятия прошлого, например репрессий, но данная политика была достаточно слаба. Во многом данный подход перекликается с работами Э. Джелин, где она аналогичным образом высказывается об аргентинской политике памяти периода президентства Н. Киршнера. Но начиная с 2000 гг. национальная политика памяти постепенно развивается и становится более масштабной, однако теряет критический аспект и подвергается моделированию и символизации. О. Малинова отмечает, что подобный подход, поддерживаемый государством, малопродуктивен, т.к. не отменяет, но лишь откладывает дискуссии между разными версиями памяти о прошлом [Малинова, www]. Тем не менее, и в этом мы склонны с Э. Джелин, историческая память всегда дискуссионна, а упорядочивание представлений об истории – создание официальной трактовки, свидетельствует об авторитете государства и соотносится с социально-экономическими показателями развития общества и благополучием в принципе (общество принимает трактовку истории, как часть идеологии, ассоциируемой с благополучием), правда лишь в том случае, когда общество выбирает официальную трактовку свободно и самостоятельно.

Более того, можно констатировать, что дискуссии по поводу исторического прошлого на постсоветском пространстве в 1990-ые, - 2000-ые гг. не принесли странам региона исторического примирения и создали пространство спекуляций, которые стали основанием легитимизации разрыва исторических связей вплоть до военного противостояния и прекращения дипломатических отношений.

Очевидно, что подобное положение вещей неприемлемо для стабильного и эффективного развития региона и требует проведения на уровне региона политически ангажированных проектов, аналогичных тем, которые проводились латиноамериканскими исследователями. В данной связи, пожалуй, наибольший интерес вызывает практика подготовки интернациональных кадров, ориентированных на популяризацию определенной относительно универсальной системы ценностей, связанной с восприятием исторического прошлого и его ключевых переломных моментов. Данный подход к подготовке специалистов в области изучения истории, политологии, литературы, языка, культуры и т.д. тем более оправдан, так как между постсоветскими государствами, даже в условиях конфликтного взаимодействия, продолжают сохраняться тесные академические связи, и существуют практики обучения иностранных студентов.

Потенциал для реализации интегрированной политики памяти на постсоветском пространстве

Потенциал для реализации единой (общей) политики памяти на постсоветском пространстве крайне велик. В его основе заложено использование в большинстве постсоветских стран в качестве языка научного общения – русского языка. Кроме того, Россия является центром

притяжения для реализации многих научных проектов, в которых участвуют страны СНГ, и в первую очередь их академические структуры. Речь в данном случае идет в первую очередь о Киргизии, Белоруссии, Казахстане, Армении и в меньшей степени о Таджикистане, Узбекистане и других постсоветских республиках. Отдельная категория стран, например, Грузия и Украина и вовсе дистанцируются от официальных связей с Россией, формируя некую условную альтернативу единому диалогу на постсоветском пространстве. Тем не менее, данные страны во многом находятся в неопределенном, - вакуумном состоянии, так как для них также ограничен коммуникационный канал с западным научным сообществом, а в ряде случаев, как например, между Украиной и Польшей, и вовсе разворачивается системное противостояние вокруг исторических детерминант [Шимаев, Чурсина, Писаренко, www].

В таких условиях, Россия становится тем центром притяжения, который потенциально способен обратить постсоветское пространство к консолидированному восприятию прошлого на основе общего признания единства ценностных ориентиров. Тем не менее крайне сложно оказывается преодолеть сопротивление республиканских элит, заинтересованных в карманном национализме и спекуляции на исторической проблематике. Кроме того, в самой России часто популяризируется консервативный взгляд на прошлое, который фактически закрывает путь к диалогу с оппонентами.

Одной из попыток упорядочивания исторической памяти, по крайней мере на российском пространстве, стало создание Комиссии по противодействию фальсификации истории, которая была создана в 2009 г. и распущенная в 2012 г.

Суть деятельности комиссии, существовавшей при президенте, была связана с представлением экспертного заключения по спорным историческим вопросам, связанным, в том числе, с оценкой итогов Второй мировой войны. Ее председатель С. Нарышкин охарактеризовал ее задачи следующим образом: «Комиссия, конечно, не будет являться каким-либо надзирающим органом... Комиссия должна, первое, организовать работу историков, комиссия должна сделать выводы о том, какие фальсифицированные факты или события истории наносят ущерб интересам России. Сейчас фальсифицированная история проникает во многие кабинеты руководителей партийных групп и даже руководителей соседних государств, которые пытаются вместо налаживания нормального политического диалога с Россией ... предъявить России всевозможные претензии территориальные, политические, материальные претензии. Мы, конечно, этого допустить не можем» [Нарышкин, www].

Создание комиссии получило широкий общественный резонанс, и многие общественные деятели выступили за ее создание и развитие. Кроме того, в качестве членов комиссии выступили видные российские историки, политологи, архивисты и общественные деятели.

В данной связи возникает вопрос, почему достаточно востребованный институт просуществовал столь недолго, и здесь уместно обратиться к критике, в контексте которой отмечается, что деятельность комиссии хотя и оправдана, но не прозрачна и часто ассоциируется с государственным заказом на конкретный подход к изучению прошлого, о чем, в частности заявлял Генеральный директор фонда «Историческая память» Александр Дюков. По его мнению, «Главная проблема, которая всплывала на всем протяжении деятельности Комиссии, заключалась в крайней непрозрачности принимаемых решений. Как для общества в целом, так и научного сообщества в частности» [В феврале..., www].

В данной связи можно предположить, что государство прекратило деятельность комиссии для того, чтобы улучшить свой имидж. Особенно это показательно в контексте того, что работа комиссии была продолжена, но на других уровнях. В частности, можно говорить о том, что с

2013 года активно началась работа над созданием «единого» учебника истории, в том числе при участии членов расформированной до этого комиссии. Уже в контексте данного нового мероприятия можно говорить, что государство постаралось обеспечить большую прозрачность для уменьшения общественного резонанса. В тоже время инициатором данного проекта выступил лично президент В. Путин [Карпюк, www].

Здесь можно отметить определенную двойственность тенденции, так как с одной стороны – написание проекта учебника истории стало открытым и обсуждаемым действием, и в итоге даже было принято решение о необходимости нескольких вариантов учебника и гибкого подхода со стороны учителей [Шахрай, www], но с другой стороны, в период существования Комиссии по фальсификации истории, при всей ее низкой прозрачности, речь не шла о том, чтобы эксперты диктовали решения. Об этом, в том числе пишет Президент Фонда исторической перспективы Наталия Нарочницкая.

«Комиссия в прошлом ее виде проявила себя в высшей степени интеллигентно. Мы не влезали в учебную программу, а занималась своего рода инвентаризацией исторических проблем, которые вызывают в обществе нездоровую реакцию. Мы хотели ответить на недокументированные суждения, книги фильмы, очерняющие наше прошлое. Противопоставить им что-то более серьезное, исторически обоснованное. Меня пригласили на эту работу, потому что возглавляемый мной Фонд исторической перспективы еще за несколько лет до создания Комиссии решал подобные задачи» [В феврале..., www].

Таким образом, можно констатировать, что сточки зрения развития государственной политики есть выраженная тенденция к консолидации оценок восприятия обществом исторической памяти, которая, тем не менее, действует завуалировано, при поддержке научных кругов, отдельных институтов гражданского общества и широкой, прежде всего, консервативной общественности.

Здесь, в качестве иллюстрации деятельности гражданского общества, можно привести деятельность Фонда исторической перспективы (ФИП), который возглавляет уже упомянутая Наталия Нарочницкая.

Деятельность данного фонда заслуживает отдельного внимания, именно потому, что она очень напоминает модель, созданную в Аргентина Э. Джелин. Фактически Фонд Н. Нарочницкой объединил многих российских экспертов, ученых и правозащитников, считающих понимание истории основой для конструктивного и прогрессивного развития. Согласно данным сайта ФИП «Цель и миссия фонда – создание информационно-аналитического поля, в котором стратегические вопросы настоящего и будущего нашей страны рассматриваются в неразрывной связи с восстановлением исторической памяти русской цивилизации и укреплением национального самосознания. Соединение усилий специалистов и экспертов в области международных отношений, геополитики, истории, информации и СМИ для решения этой глобальной задачи и стало главным направлением деятельности ФИП с момента его создания [в 2004 г.]» [Фонд, www].

Показательно, что в контексте деятельности таких организаций и общего политико-социального запроса на формирование «четких исторических формулировок» государство и общество движутся по пути обретения исторической памяти и ее систематизации. Тем не менее данный процесс проходит достаточно болезненно и, это можно констатировать с полной уверенностью, характеризуется снижением социальной дискуссии и формированием социальной оппозиции, которая пытается сформировать собственную, преимущественно либеральную самоидентификацию за счет отрицания государственной позиции по вопросам истории и

исторической памяти. Это столкновение демонстрирует ограниченную применимость идей Э. Джелина на современном историческом пространстве, так как, видимо, в латиноамериканской практике дискуссии идут преимущественно об оценке прошлого, в то время как в России и на пространстве СНГ, - прошлое является не столько атрибутом исторической памяти, сколько пространством для политической борьбы будущего.

Заключение

В условиях разобщенности народов и социальных групп, политика памяти становится тем средством, которое может привести людей к диалогу и через обращение к вечным или, по крайней мере, к историческим ценностям, повлиять на развитие в обществе компромиссных и примирительных практик.

Тем не менее политика памяти невозможна сама по себе. Сам термин «политика» уже предполагает наличие политической воли, которая была бы способна с опорой на широкую социальную дискуссию в России и за рубежом, сформировать комплексную институционализированную систему формирования (обобщения) и популяризации исторической памяти всего обширного региона.

Важно, и это еще один аспект, обозначенный в исследовании Э. Джелина и востребованный на пост-советском пространстве, что практики формирования исторической памяти должны преодолевать барьеры между странами, апеллируя к правам человека и общим для всех регионов потребностям в благополучии, стабильном и устойчивом развитии, которые, в свою очередь, неизбежно потребуют примирения между сторонами в многочисленных исторических спорах, так как в обмен на отказ от конфронтации будут предлагать обоюдновыгодное сотрудничество и совместное развитие.

Несмотря на наличие такого «рецепта», к сожалению, тенденция такова, что политика памяти на постсоветском пространстве все чаще формирует барьеры коммуникации, так как используется не как фактор интеграции и примирения, а скорее наоборот, как возможность заявить о собственной уникальности, и тем самым вступить в идейное противостояние с позицией «другого».

Библиография

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: АспектПресс, 2002. 537 с.
2. Бовдунов А. Переоценка прошлого: почему Польша снова требует от Германии выплаты репараций. 2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/433534-polsha-germaniya-reparacii-kachinskii>
3. В феврале 2012 года указом Президента России была прекращена деятельность Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. URL: <http://narotchnitskaya.com/commission-on-antifraud-stories/v-fevrale-2012-goda-ukazom-prezidenta-rossii-byila-prekrashhena-deyatelnost-komissii-po-protivodeystviyu-falsifikatsii-istorii-v-ushherb-interesam-rossii.html>
4. «Грязная война» в Аргентине. URL: <https://tayni.info/74300/>
5. Два десятилетия операций НАТО: подводим итоги, заглядываем в будущее. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2012/Chicago/Stock-Looking-Ahead/RU/index.htm>
6. Карпюк И. Одна на всех. 2013. URL: <https://polit.ru/article/2013/04/24/history/>
7. Как можно сплотить российскую нацию? URL: <http://regions.ru/news/2474515/>
8. Максимов И.В. «Цветная» революция – социальный процесс или сетевая технология? М.: Книга по требованию, 2010. 116 с.
9. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
10. Малинова О. Об интерпретациях исторических событий, концепции тысячелетней истории России и важности Дня Победы для современной политики памяти. 2015. URL: <https://postnauka.ru/books/49497>

11. Манчук А. Как изменилась украинская историческая память после майдана. 2017. URL: <http://eurasia.expert/kak-izmenilas-ukrainskaaya-istoricheskaya-pamyat-posle-maydana/>
12. Медушевский Н.А. Толерантность в фокусе региональных трактовок. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 119-180.
13. Нарышкин: историческая комиссия не будет принуждать историков. 2009. URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/05/31/n_1367492.shtml
14. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/>
15. Тайны Аласания, войны памяти и будущее Грузии. 2013. URL: <https://sputnik-georgia.ru/digest/20131024/215996467.html>
16. Фонд Нарочницкая.ру. URL: <http://narotchnitskaya.com/fond>
17. Шахрай С. Напишем историю вместе. 2013. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/02/27_x_4989565.shtml
18. Шимаев Р., Чурсина М., Писаренко А. «Гасить пожары все сложнее»: почему Польша и Украина не могут урегулировать вопросы исторической памяти. 2018. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/557457-ukraina-polsha-kultura-nedovolstvo-istoriya>
19. Jelin E. La lucha por el pasado. Cómo construimos la memoria social. Buenos Aires, 2017. 302 p.
20. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15(4). P. 653-680.
21. Mouffe Ch. La paradoja democrática. Barcelona: Gedisa, 2003. 156 p.
22. Ulloa Aguirre P.A.G. Ciudadanía ante el espacio público. La difícil y necesaria relación para fortalecer a las instituciones // *Confines de relaciones internacionales y ciencia política*. 2015. Vol.11 №.21. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-35692015000100005

Application of the Latin American experience in the formation of the regional memory policy in Russian practice

Nikolai A. Medushevskii

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Culture of peace and democracy Department,
Russian State Humanities University,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Abstract

The policy of memory is an important factor in the formation of social relations in modern society. Memories of historical images and events can both unite and divide society, and can also be a factor of integration or disintegration at the supranational level. In this regard, any developed or developing state is interested in structuring its own “memory space”, which would reflect a certain political view of the past and the future of society. A certain innovation in the management of historical memory was the complex of ideas and solutions described in the work of Elizabeth Jelin, who, using the example of Latin American countries, showed how one can manage historical memory and direct it to reconciliation of various societies that have experienced difficult times. In this article, this unique experience is related to the Russian practice of memory policy management, and as a result, a number of problems arising in the context of active participation of state institutions in this process are stated. It is important that the practices of historical memory formation must overcome barriers between countries, appealing to human rights and common to all regions needs for well-being, stable and sustainable development, which, in turn, will inevitably require reconciliation between the parties in numerous historical disputes, as exchange for abandoning confrontation will offer mutually beneficial cooperation and joint development.

For citation

Medushevskii N.A. (2019) Primenenie latinoamerikanskogo opyta formirovaniya regional'noi politiki pamyati v rossiiskoi praktike [Application of the Latin American experience in the formation of the regional memory policy in Russian practice]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 157-167.

Keywords

Memory policy, historical practices, falsification of history, polycentrism, regional approach.

References

1. Almond G., Powell J. (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoi obzor* [Comparative Political Science Today: A World Outlook]. Moscow: AspektPress Publ.
2. Bovdunov A. (2017) *Pereotsenka proshlogo: pochemu Pol'sha snova trebuetsya vyplaty reparatsii* [Reevaluation of the past: why Poland again demands reparations from Germany]. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/433534-polsha-germaniya-reparatsii-kachinskii> [Accessed 12/12/2018]
3. *Dva desyatiletia operatsii NATO: podvodim itogi, zaglyadyvaem v budushchee* [Two decades of NATO operations: summing up, looking into the future]. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/2012/Chicago/Stock-Looking-Ahead/RU/index.htm> [Accessed 12/12/2018]
4. *Fond Narochnitskaya.ru* [Foundation Narochnitskaya.ru]. Available at: <http://narochnitskaya.com/fond> [Accessed 12/12/2018]
5. «*Gryaznaya voyna*» v Argentine [Dirty War in Argentina]. Available at: <https://tayni.info/74300/> [Accessed 12/12/2018]
6. Jelin E. (2017) *La lucha por el pasado. Cómo construimos la memoria social*. Buenos Aires.
7. Karpyuk I. (2013) *Odna na vsekh* [One for all]. Available at: <https://polit.ru/article/2013/04/24/history/> [Accessed 12/12/2018]
8. *Kak mozjno splotit' rossiiskuyu natsiyu?* [How can you unite the Russian nation?]. Available at: <http://regions.ru/news/2474515/> [Accessed 12/12/2018]
9. Maksimov I.V. (2010) «*Tsvetnaya*» revolyutsiya – sotsial'nyi protsess ili setevaya tekhnologiya? [Is the “color” revolution a social process or a network technology?]. Moscow: Kniga po trebovaniyu Publ.
10. Malinova O.Yu. (2015) *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Actual past: The symbolic policy of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.
11. Malinova O. (2015) Ob interpretatsiyakh istoricheskikh sobytii, kontseptsii tysyacheletnei istorii Rossii i vazhnosti Dnya Pobedy dlya sovremennoi politiki pamyati [About interpretations of historical events, the concept of a thousand-year history of Russia and the importance of Victory Day for modern politics of memory]. Available at: <https://postnauka.ru/books/49497> [Accessed 12/12/2018]
12. Mälksoo M. (2009) The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*, 15(4), pp. 653-680.
13. Manchuk A. (2017) *Kak izmenilas' ukrainskaya istoricheskaya pamyat' posle maidana* [How has the Ukrainian historical memory changed after the Maidan]. Available at: <http://eurasia.expert/kak-izmenilas-ukrainskaya-istoricheskaya-pamyat-posle-mайдана/> [Accessed 12/12/2018]
14. Medushevskii N.A. (2014) *Tolerantnost' v fokuse regional'nykh traktovok* [Tolerance in the focus of regional interpretations]. Moscow: LENAND Publ.
15. Mouffe Ch. (2003) *La paradoja democrática*. Barcelona: Gedisa.
16. (2009) *Naryshkin: istoricheskaya komissiya ne budet prinuzhdat' istorikov* [Naryshkin: the historical commission will not force historians]. Available at: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/05/31/n_1367492.shtml [Accessed 12/12/2018]
17. Putin V.V. *Rossiya: natsional'nyi vopros* [Russia: a national question]. Available at: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-natsionalnyj-vopros/> [Accessed 12/12/2018]
18. Shakhrai S. (2013) *Napishem istoriyu vmeste* [Let's write history together]. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2013/02/27_x_4989565.shtml [Accessed 12/12/2018]
19. Shimaev R., Chursina M., Pisarenko A. (2018) «*Gasit' pozhary vse slozhnee*»: pochemu Pol'sha i Ukraina ne mogut uregulirovat' voprosy istoricheskoi pamyati [“Quenching fires becomes more difficult”: why Poland and Ukraine cannot resolve issues of historical memory]. Available at: <https://russian.rt.com/ussr/article/557457-ukraina-polsha-kultura-nedovolstvo-istoriya> [Accessed 12/12/2018]

20. (2013) *Tainy Alasaniya, voiny pamyati i budushchee Gruzii* [Secrets of Alasania, wars of memory and the future of Georgia]. Available at: <https://sputnik-georgia.ru/digest/20131024/215996467.html> [Accessed 12/12/2018]
21. Ulloa Aguirre P.A.G. (2015) Ciudadanía ante el espacio público. La difícil y necesaria relación para fortalecer a las instituciones. *Confines de relaciones internacionales y ciencia política*, 11, 21. Available at: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-35692015000100005 [Accessed 12/12/2018]
22. *V fevrale 2012 goda ukazom Prezidenta Rossii byla prekrashchena deyatelnost' Komissii po protivodeistviyu fal'sifikatsii istorii v usherb interesam Rossii* [In February 2012, by a decree of the President of Russia, the work of the Commission to counter the falsification of history was terminated to the detriment of the interests of Russia]. Available at: <http://narotchnitskaya.com/commission-on-antifraud-stories/v-fevrale-2012-goda-ukazom-prezidenta-rossii-byila-prekrashchena-deyatelnost-komissii-po-protivodeystviyu-falsifikatsii-istorii-v-ushherb-interesam-rossii.htm> [Accessed 12/12/2018]